

DOI: 10.31696/S086919080036973-7

АРЕНДА ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В МИЛАСЕ (III–I вв. до н.э.).
ЧАСТЬ 1

© 2025

Н.А. МАККАБЕЕВ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5356-6807; nikolay1535@mail.ru

Резюме: В III–II вв. до н.э. Миласа, подобно многим другим малоазийским полисам, проводила политику по расширению своей территории: включала в свой состав более слабые окрестные общины на правах симполитии. Симполития была выгодна обеим сторонам: более слабые общины получали защиту от внешних врагов, Миласа же – доступ к плодородным землям и стратегически значимые территории (важные дороги, выход к морю) и в результате сделалась одним из самых больших и влиятельных полисов Карии. Под контроль Миласы перешли два соседних полиса – Олим и Хидай, а также две общины (сингении), центрами которых были святилища Зевса Лабрандийского и карийского божества Синури. Во II в. до н.э. Миласа недолго состояла в симполитии с Евромом.

В составе Миласы подчиненные общины сохраняли тем не менее высокую степень внутренней автономии и ревниво её оберегали. Центрами этих общин являлись храмы богов, которые жили во многом на доходы от аренды принадлежавших им земель. Гражданский коллектив Миласы (включая подчиненные общины) имел трехуровневое деление на филы, сингении и патры. Сингении и патры изначально представляли из себя группы родственных семей, но постепенно сингении стали принимать в свой состав неродственников и трансформировались просто в структурные подразделения полиса.

В какой-то момент святилища начинают особенно активно скупать земли у частных лиц, чтобы сдавать их в аренду (зачастую бывшим владельцам). Сопоставление повторяющихся в надписях имен и их хронологическая привязка через упоминания известных по другим источникам событий показывают, что пик экономической активности миласских святилищ пришелся на относительно благоприятный и спокойный для Миласы период – середину II в. до н.э., когда по Анамейскому миру 188 г. до н.э. римляне провозгласили Миласу независимым и свободным от повинностей полисом.

Ключевые слова: Кария, Миласа, Олим, Лабраунда, Синури, Халкетор, Евром, сингения, патра, симполития

Для цитирования: Маккабеев Н.А. Аренда общественных земель в Миласе (III–I вв. до н.э.). Часть 1. *Восток (Oriens)*. 2025. № 6. С. 28–47. DOI: 10.31696/S086919080036973-7

LEASE OF PUBLIC LANDS IN MYLASA (3rd–1st CENTURIES BC).
PART 1

© 2025

Nikolai A. MAKKAVEEV ^a^a – Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0001-5356-6807; nikolay1535@mail.ru

Abstract: *In the 3rd–2nd centuries BC, Mylasa (like some other poleis in Asia Minor) incorporated weaker neighbouring communities via sympoliteia, which was beneficial to both sides: subordinate communities received protection from outer enemies, while Mylasa gained fertile lands and strategically significant territories (important roads and access to the sea) and became one of the largest poleis of Caria. Two neighbouring city-states, Olymos and Hydai, as well as two communities (syngeneiai), centred on the sanctuaries of Zeus Labraundos and the Carian deity Sinuri, came under Mylasean control. In the 2nd century BC, Mylasa was briefly in sympoliteia with Euromos.*

Nevertheless, the subordinate communities within Mylasa retained a high degree of internal autonomy and jealously guarded it. Their centres were the temples, which lived by their lands. The civil community of Mylasa (including subordinate communities) had a three-level division into phylai, syngeneiai, and patrai. Syngeneiai and patrai were originally groups of related families, but gradually syngeneiai began to accept non-relatives into their ranks and transformed into mere structural subdivisions of the polis.

At some point, Mylasean temples began to purchase private lands and lease it (often to the former owners). A comparison of the names from the inscriptions and their chronological reference to events known from other sources shows that the peak of economic activity of the Mylasa' sanctuaries coincided with a relatively favourable and peaceful period for Mylasa – the mid 2nd century BC, when, under the Peace of Apamea in 188 BC, the Romans proclaimed Mylasa independent and exempt from taxes.

Keywords: Caria, Mylasa, Olymos, Labraunda, Sinuri, Chalketor, Euromos, syngeneia, patra, sympoliteia

For citation: Makkaveev N.A. Lease of public lands in Mylasa (3rd–1st centuries BC). Part 1. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 6. Pp. 28–47. DOI: 10.31696/S086919080036973-7

ВВЕДЕНИЕ

Миласа (совр. Миляс, провинц. Мугла, Турция) в III–II вв. до н.э. включила в свой состав ряд окрестных общин и стала одним из крупнейших полисов в регионе (наряду с Милетом и Галикарнассом [LaBuff, 2015, p. 103]. Среди нескольких сотен греческих надписей, открытых в Миласе и на подконтрольных ей территориях, огромная часть связана с арендой общественных земель. Доходы же от аренды – как это часто практиковалось в других полисах, таких как Афины, Делос и др. – шли на финансирование святилищ, являвшихся центрами входивших в состав полиса общин. Во II в. до н.э. арендные отношения в Миласе переживают кратковременный бум: судя по повторяющимся в надписях именам, примерно при жизни 2–3 поколений, вошедшие в состав миласского полиса общины внезапно начали активно скупать частные земли, чтобы сдавать их в аренду, причем зачастую бывшим владельцам и за весьма умеренную плату (примерно 3% в год от стоимости земли). Возникает закономерный вопрос: почему такой всплеск арендных отношений случился именно в Миласе и именно в это время? Ситуация уникальная: в других малоазийских полисах надписи также исчисляются сотнями, однако арендные документы среди них встречаются нечасто. В настоящей статье мы не дадим ответа на этот вопрос, поскольку ответить на него при нынешнем состоянии источников, по-нашему мнению, невозможно, мы лишь наметим направления для поисков ответа и отсежём явно ошибочные гипотезы. В первой части статьи подробно рассмотрим исторический контекст: проблему датировки

стала селевкидской в период между 267 и 264/3 гг. до н.э., но при каких обстоятельствах это произошло, сказать пока невозможно [van Bremen, 2020, p. 11]⁴.

Однако прямое селевкидское господство продлилось недолго, и уже до н.э. Селевк II в начале своего правления предоставил Миласе (а также Смирне, OGIS 228) «свободу и демократию»⁵. Понятия «свобода» (ἐλευθερία) и «автономия» для эллинистических полисов, впрочем, подразумевали не полную независимость с точки зрения международного права, а лишь широкую автономию во внутренних делах: право жить по своим законам, избирать должностных лиц, претворять в жизнь решения *совета* и народного собрания, чеканить свою монету [Aubriet, Henry, 2015, p. 694–695] и даже самостоятельно строить отношения с другими полисами, но явно не подразумевали свободу от налогов в пользу царя и от размещения царских гарнизонов, поскольку эти привилегии (как в случаях с Иасом и Миласой) оговаривались отдельно, и притом цари имели право отобрать подаренную «свободу» назад [Ma, 1999, p. 161–164].

После провозглашения свободы Миласа начинает расширять свою территорию. По источникам лучше всего известна история присоединения **Лабраунды** – горного селения, расположенного в 15 км севернее Миласы на пути в сторону города Алинда⁶. Здесь располагалось святилище Зевса Лабраундского⁷ – одно из самых известных в Кари. Контроль над этим богатым и к тому же расположенным в стратегически важном месте святилищем был чрезвычайно выгоден для Миласы. Ок. 240 г. до н.э. жрец Зевса Лабраундского Коррис обратился с жалобой к Селевку II о том что миласцы захватили доставлявшуюся ему от предков священную землю и незаконно получают с нее доходы, а также не вносят плату за жертвоприношения. Миласцы же заявили, что святилище принадлежит им, а Коррис управляет святилищем с их дозволения, и что они исправно платят ему за жертвоприношения. Селевк поручил своему стратегу Олимпику расследовать это дело, и тот решил его в пользу Миласы⁸.

В литературе встречается мнение, что Селевк II в итоге переменял своё решение и оставил Лабраунду независимой. Основано оно на двух декретах, согласно которым Коррис и его *сингения* (т.е. община Лабраунды)⁹ даруют гражданство, права на владение землей, *проэдрию* людям, которые проявили себя как *проксены* и *эвергеты* святилища (ILabraunda 11; 12 = L 6; 7); по мнению Гари Регера, такие действия свидетельствуют о независимости Лабраунды в этот период [Reger, 2010].

⁴ 10 июня 267 г. до н.э. (в пересчете на современное летосчисление) датируется декрет из Лабраунды, принятый Хрисаорейской лигой в честь птолемеевского *эконома* Аполлония (ILabraunda 43); между 268 и 261 гг. до н.э. Антиох II основал к востоку от Миласы полис Стратонику; список жрецов Аполлона из Хилларимы датирован правлением Антиоха I и его сына Антиоха II 49 г. по Селевкидской эре, т.е. 264/263 г. до н.э. [van Bremen, 2020, p. 6, 7, 8].

⁵ Одни исследователи датируют это событие концом 246 / началом 245 г. [Reger, 2010] и объясняют его стремлением заручиться лояльностью обоих полисов во время Третьей сирийской войны (246–241 гг. до н.э.) [Ma, 1999, p. 44]; другие дают более расплывчатую датировку – между 245 и 240 гг. до н.э. [Aubriet, Henry, 2015, p. 695].

⁶ Кристина Уильямсон выдвигает несколько, на наш взгляд, смелую гипотезу, что Гекатомниды выбрали это место для главного карийского святилища в том числе в силу его стратегического значения, так как отсюда хорошо просматриваются значительные территории, в т.ч. практически вся равнина Миласы и Иасийский (он же Баргилийский) залив Эгейского моря (ныне зал. Мандалья, др. его название – Гюллюк), а потому и для Миласы Лабраунда впоследствии стала так важна, поскольку давала возможность контролировать свои владения [Williamson, 2021, p. 113–114].

⁷ Геродот упоминает его как Зевса Стратия (*Hdt.* 5.119.1–2), тогда как из текста Страбона можно понять, что Зевс Лабраундский и Зевс Стратий – это, скорее, два разных божества (*Strab.* 14.2.23=659).

⁸ Не исключено, что Селевк заранее хотел заручиться лояльностью Миласы на случай борьбы за власть со своим братом Антиохом Гиераксом [Williamson, 2021, p. 142, n. 188], которого он назначил наместником в Малую Азию ок. 239 г. до н.э. [Carless Unwin, Henry, 2016, p. 27, n. 4].

⁹ О значении слова *сингения* см. ниже, с. 37.

Однако в другом своем письме к гражданам Миласы Олимпих утверждает, что передал им контроль над Лабраундой и её землями, а также обеспечил полису свободу, автономию и *асилию* (неприкосновенность) святилищ (ILabraunda 137)¹⁰: τῇ ὑμετέραι πα[τρίδι?· ἃ]πέδωκα μὲν ἅμα [τῇ ἄ]λλῃ χώρῃ καὶ Λαβράυνδα καὶ περὶ τούτων ὅμοσα τῷ δήμῳ | συνδιατηρήσειν Μυλασεῦσιν τὴν τε ἐλευθερίαν | καὶ τὴν αὐτονομίαν εἰς ἅπαντα τὸν χρόνον καὶ τὰ || ἱερὰ ἄσυλα τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῖς ἐν τῇ χώρῃ τὰ τε ἐν | Λαρυσυνίοις, καὶ τὸ τοῦ Διὸς τοῦ Λαβραύνδου καὶ τᾶλ|λα πάντα καὶ τὴν χώραν τὴν τε κατὰ Λαβράυνδα καὶ τὴν | ἄλλην τὴν οὖσαν Μυλασεῶν καὶ τὰ λοιπὰ τὰ ἐπικεχωρη|μένα πάντα – «...я возвратил вашей родине вместе с остальными землями также и Лабраунду и я поклялся народу всегда охранять для Миласцев свободу, автономию и неприкосновенность святилищ, находящихся на их земле и в Ларисиниях¹¹, а также <святилище> Зевса Лабраундского и всё остальное, и землю возле Лабраунды, и <землю, которая> принадлежит Миласцам, и всё остальное переданное <им>».

Не исключено, правда, что письмо выдаёт желаемое за действительное, поскольку высечено на стене святилища в Лабраунде оно было, судя по палеографическим характеристикам, во 2-й пол. III в. до н.э. [Aubriet, Henry, 2015, p. 685; Carless Unwin, Henry, 2016, p. 28], т. е. лет на 20 позже своего составления, примерно в тот период, когда македонский царь Филипп V окончательно передал святилище под контроль Миласы.

В результате войны между Селевком II и его братом Антиохом Гиераком Олимпих получил фактическую независимость, так что Полибий даже причислит его к «династам Азии» (*Polyb.* 5.90.1), резиденцией его стал карийский г. Алинда [Ma, 1999, p. 42, n. 57]. Когда в 229 [Aubriet, Henry, 2015, p. 700] (по др. данным в 227 г. до н.э. [Reger, 2010; LaBuff, 2015, p. 37]) в Карию вторгся македонский царь Антигон Досон, Олимпих признал его власть. В 221 г. до н.э. Антигон Досон умер, а уже в 220 г. до н.э. жрец Гекатомн снова попробовал добиться независимости от Миласы: заручившись поддержкой влиятельной Хрисаорейской лиги (объединения ряда карийских общин), он обратился новому македонскому царю Филиппу V, но тот, изучив обстоятельства дела, в итоге окончательно закрепил святилище за Миласой¹².

Одновременно Олимпих сообщил гражданам Миласы, что он возвращает им крепость Петру близ Лабраунды, «которую прежде мы вынуждены были удерживать исключительно потому, что это было полезно для полиса»: παραδί|δωμι δὲ ὑμῖν καὶ Πέτρην τὴν πρὸς Λαβράυνδοις, [ἦν πρότερον] | ἡναγκάσθημεν κατασχεῖν οὐ δι' ἄλλην τινὰ [αἰτίαν πλὴν ἢ δι']ὰ τὸ συμφέρειν τοῦτο τῇ πόλει (ILabraunda 4 = L 41, l. 10–13). Такой оправдывающийся тон указывает на то, что сделал он это явно не добровольно, а под давлением Филиппа V, и контрастирует с другим его письмом, где он заявлял, что намерен держать гарнизон «в Олимской Петре» до тех пор пока не соберёт нужную сумму на венок царю ... τὴν δὲ ἐν τῇ Ὀλυμίδι Πέτρην αὐτὸ τὸ φρούριον ὅτι κατεξῶ ἔως ἂν τὰ ὀφειλόμενα χρήματα εἰς τὸν | στέφανον τῷ βασιλεῖ κομίσωμαι (ILabraunda 137, l. 9–11)¹³. Таким образом, Олимпих в течение 20 с

¹⁰ Хотя первые строки этой надписи и не сохранились, но очевидно, что автор письма – Олимпих: об этом говорят дословные совпадения с другим его письмом (ILabraunda 3, l. 10–14, 242/241 r.) [Aubriet, Henry, 2015, p. 681; Carless Unwin, Henry, 2016, p. 31].

¹¹ Неизвестный по другим источникам топоним, варианты его локализации см.: [Carless Unwin, Henry, 2016, p. 33, n. 27].

¹² Разные исследователи по-разному излагают подробности этой истории, поскольку по-разному интерпретируют отдельные места из письма Филиппа V гражданам Миласы (ILabraunda 5 = L 33). Ср., например: [Зельдина, 1978; Свенцикая, 1999; Reger, 2010; Williamson, 2021, p. 142–144]. Детально разбирать их в нашей статье мы не будем.

¹³ «Петрами» в Кarii называли укрепления на горах с обрывистыми склонами, которые в случае опасности служили убежищами для окрестного населения; на них намекает Аристофан, когда в комедии «Птицы» (v. 292–293) говорит, что карийцы любят селиться на горных вершинах. «Петра близ Лабраунды» отождествляется с археологическим памятником Хисар-кале, игравшим роль своего рода «акрополя» Лабраунды. Идентификация же

лишним лет открыто нарушал приказ Селевка II вывести все гарнизоны с миласских земель (ILabraunda 5, l. 36–39).

Двадцать лет спустя, зимой 201/200 г. до н.э. Миласа и некоторые другие города будут снабжать припасами стоявшую в приморском г. Баргилия армию Филиппа V, который вел войну против пергамского Аттала I. Несмотря на это, Филипп попытается вероломно захватить Миласу, но будет отбит (*Polyb.* 16.24.2).

Когда и при каких обстоятельствах присоединились к Миласе другие общины, при нынешнем состоянии источников остается только гадать. **Олим**, будучи расположен примерно посередине между Миласой и Лабраундой, очевидно, **должен был объединиться с Миласой** раньше Лабраунды [Bresson, Debord, 1985, p. 206], т. е. **не позднее середины III в. до н.э.** Это предположение косвенно подтверждается словами из одного олимского декрета, который по палеографическим данным датируется III в. до н.э.: καθ' ὃν καιρόν ἐγίνετο συμπολιτεία – «...с того времени, <когда> состоялась *симполития*...» [Rumscheid, 2004, S. 55, Nr. 12, Z. 6]. Хотя в сохранившейся части текста и не уточняется между кем и кем состоялась симполития, однако едва ли можно сомневаться, что она имела место между Олимом и Миласой: принимая во внимание взаимное расположение обоих городов, такое предположение выглядит наиболее вероятным¹⁴. Кроме того, принадлежавшие Лабраунде сельскохозяйственные земли (из-за которых и возник спор между Миласой и Коррисом), очевидно, располагались не рядом с Лабраундой в горах, а на равнине возле Олима; во всяком случае, в олимских надписях II в. до н.э. неоднократно упоминаются владения Гекатомна сына Улиада, жреца Зевса Лабраундского (IMylasa 501; 801; 803; 814 и др.). Центром Олима был храм Аполлона и Артемиды, считавшийся формальным собственником сдаваемых в аренду общественных земель. Даже после объединения с Миласой Олим сохранил значительную степень автономии: «Олимский народ» продолжал проводить народные собрания и издавать декреты, а также выбирать некоторых магистратов (таких как казначей, *ктематоны* и *мистоты* – лица ответственные за покупку земли и сдачу её в аренду). Однако в Олиме, в отличие от Миласы, не было своего совета (βουλή) [LaBuff, 2015, p. 103–110].

Городок **Хидаи** известен как минимум с IV в. до н.э., располагался он к юго-западу от Олима, на холме на западном берегу Сары-чая, неподалеку от совр. турецкой деревни Дамлыбогаз. Большинство камней с надписями, в которых он упоминается (IMylasa 902.1 = M 118*5; 903 = M 182*1), были повторно использованы при строительстве средневекового моста через Сары-чай [Pernin, 2014, p. 402]. Когда и при каких обстоятельствах Хидаи присоединился к Миласе, неизвестно. Но о том, что он объединился с Миласой, можно судить по сильно поврежденному декрету, который до сих пор полностью не опубликован (IMylasa 902), однако Г. Реген, пересказывая его содержание, отмечает, что датирован этот декрет народа Хидаи по *стефанефору* (архонту-эпониму), как это практиковалось в Миласе, а принят он по предложению казначеев, принадлежавших к миласским *сингенциям* Тетрафилов, Кормосконов и Массонеев (о них см. ниже, с. 40–41), речь же в нем шла об основании святилища и установке культовой статуи ἡμῶν προγονικῶν θεῶν – «богам наших предков», что отражает стремление жителей Хидаи сохранить свою идентичность даже в условиях объедине-

«Олимской Петры» остается под вопросом, поскольку все подходящие на эту роль высоты расположены на существенном удалении от Олима. Подробнее см.: [Aubriet, Henry, 2015, p. 686–691; Carless Unwin, Henry, 2016, p. 33–36].

¹⁴ *Симполития* в данном случае очевидно предполагала – как это неоднократно бывало в эллинистическое время – поглощение более слабого полиса более сильным, когда первый терял все или часть своих прерогатив и признаков независимости [Schuler, 2010; Aubriet, Henry, 2015, p. 698].

ния с Миласой [Reger, 2010; LaBuff, 2015, p. 111–112]. Симполития с Хидай была выгодна Миласе не только за счет его плодородных земель, но и как удобный выход к морю, т.к. на юге Хидай контролировал берег т. н. Малого моря (Μικρὰ θάλασσα) – бухты при устье Сары-чая, которая ныне превратилась в заболоченную дельту и где, как считал Луи Робер, располагалась миласская гавань Пассала (Plin. Nat. Hist. 5.134; Stadiasmus Maris Magni, 291; Steph. Byz.) [Reger, 2010]¹⁵.

Святынище карийского божества **Синури** (который не соотносится ни с кем из греческих богов)¹⁶ располагалось к ЮВ от Миласы, в 15 км по прямой, на высоком холме Тарла-Тепе в дальней части небольшой плодородной долины, недалеко от совр. деревни Чамлыбелен. Возникло оно, судя по археологическим данным, в VII в. до н.э. и впоследствии имело тесные связи с Гекатомнидами (династами Карии и по совместительству ахеменидскими сатрапами), которые в IV в. до н.э. провели масштабную реконструкцию этого и еще двух других карийских святынищ: Зевса в Лабраунде и Артемиды в Амизоне [Williamson, 2016, p. 81]¹⁷. При Гекатомнидах святынищем управляла *сингения* Пелек, называвшаяся так по имени первого жреца Синури [Williamson, 2016, p. 83, n. 23; 2021, p. 212], однако на рубеже IV–III вв. её сменила сингения Пормуна (Πορμουνοῦ)¹⁸, которая ко II в. до н.э. (при нынешнем состоянии источников невозможно сказать когда именно) попала в зависимость от Миласы и датировала свои декреты по миласским *стефанефорам* [Williamson, 2016, p. 84; 85, n. 33; 2021, p. 181]. Члены сингении, судя по всему, проживали в располагавшейся неподалеку от святынища «священной деревне» (ἱερὰ κόμη) [Williamson, 2016, p. 87, n. 45; 2021, p. 220]¹⁹. В списке жрецов Синури (Sinuri 5=S 87) первые пять имён – карийские, шестое нечитаемое, а остальные десять – греческие (причем широко распространенные в Миласе) [Williamson, 2016, p. 86]. Жреческая должность, по-видимому, была пожизненной, как в Миласе (Strab. 14.2.23=659), и наследственной [Williamson, 2016, p. 86]. Однако на рубеже II–I вв. до н.э. доступ к жреческим должностям открылся и для тех граждан Миласы, которые не были членами сингении (IMylasa 103; 763), чему есть несколько возможных объяснений: то ли жреческая династия пресеклась, то ли жрецов стали назначать полисные власти, то ли жреческая должность начала продаваться²⁰ [Williamson, 2016, p. 95; 2021, p. 228, n. 179].

¹⁵ Страбон, в отличие от остальных авторов, пишет, что порт Миласы назывался Фискон (Φύσκων – Strab. 14.2.23=659), однако это может быть и не ошибка с его стороны, но альтернативное «народное» название, происходящее от слова φύσκη – «колбаса» и отсылающее к форме Малого моря [Reger, 2010].

¹⁶ И культ которого ни в каких других местах больше не зафиксирован; за исключением одного спорного упоминания в документе об аренде земель из Хилларимы (предположительно III в. до н.э.), располагавшейся в 50 км к северо-востоку от Синури (Hyllarima 11, l. 13–15): ἐμσθῶ[σα] το δὲ καὶ τὰ ἐν Σιν.-|ρι, τὰ ὄντα τοῦ Σι. |. Первая публикация: [Laumonier, 1934, p. 372–376]. Поскольку другие упомянутые в этом документе земли располагались в окрестностях Хилларимы, то Луи Робер предположил, что там могло быть второе святынище этого божества [Robert, 1934, p. 516; Williamson, 2021, p. 227, n. 168].

¹⁷ Подробное описание его архитектуры см. [Williamson, 2016, p. 79–87; 2021, p. 189–206]. В 500 м к северу от святынища, на более высокой части холма расположен другой монументальный комплекс, который до сих пор остаётся нераскопанным и который в литературе получил название «акрополь» [Williamson, 2016, p. 87; 2021, p. 186].

¹⁸ В литературе нет единого мнения, кем или кем был этот загадочный Пормун: Луи Робер видел в нем основателя-эпонима сингении, тогда как Пьер Дебор указывает, что в списке жрецов Синури нет человека с таким именем, и предполагает, что это могло быть название располагавшейся близ святынища деревни [Bresson, Debord, 1985, p. 204, n. 42].

¹⁹ Позднее та же исследовательница выдвинула другую гипотезу, что члены сингении могли быть разбросаны по всем землям Миласы, или даже в самом городе [Williamson, 2021, p. 186, 235].

²⁰ Так, примерно в это же время олимская сингения Мауннитов выставила жреческую должность на продажу (IMylasa 302).

Во время военных кампаний в Карии 203–201 гг. до н.э. Антиох III выдал охранную грамоту святилищу Зевса Лабраундского, однако святилище в Амизоне его солдаты разграбили – и царь приказал своему военачальнику Зевксиду вернуть все награбленное имущество и уведённых в плен жрецов. Как можно судить по восстановлению одной сильно разрушенной надписи (Sinuri 12), святилище Синури тоже подверглось разграблению – это дает основания полагать, что к концу III в. до н.э. оно накопило значительные богатства [Williamson, 2016, p. 89–90; 2021, p. 181]²¹. Всем трем святилищам царь даровал неприкосновенность *асилию* – не исключено, что именно этот статус мог побудить частных владельцев передавать свою землю под защиту святилища под видом продажи с последующей арендой [Williamson, 2016, p. 90; 2021, p. 223]. Впоследствии святилище Синури сумело восстановить свое богатство: в кон. II – нач. I в. до н.э. по решению сингении Пормуна (Sinuri 9) к святилищу была пристроена новая стоя в дорическом стиле [Williamson, 2021, p. 194, 218].

В войне против Антиоха III Миласа выступила на стороне римлян [Ruge, 1933, S. 1052], за что по результатам Апамейского мира – когда почти вся Кария вплоть до р. Меандр (кроме Тельмесса) отошла под контроль Родоса (*Liv.* 38.39.13) – Миласа была провозглашена римлянами независимой и свободной от повинностей (ἀφορολόγητος) (*Polyb.* 21.46.4; *Liv.* 38.39.8).

Во II в. до н.э. Миласа некоторое время состояла в симполитии с **Евромом**, располагавшимся в северной части небольшой плодородной равнины, отделенной холмами от равнины Олима, через которую к тому же проходила дорога на Милет, где Миласа могла получать альтернативный выход к морю [LaBuff, 2015, p. 109]²². Эта кратковременная симполития с Евромом упоминается в почетном декрете в честь Мосхиона сына Аристида, жреца Зевса Кретагена и Куретов, который ездил послом в Гераклею-на-Латме, чтобы заставить гераклейцев вернуть в Евром священную утварь и личное имущество граждан (IMylasa 102)²³. Луи Робер видит в этом карательные меры против Еврома со стороны Гераклеи в ответ на симполитию с Миласой: либо грабительский набег, либо Евром задолжал Гераклею большие деньги под залог имущества, которое та не захотела возвращать [Robert, 1978, p. 515–517]. Но более убедительно выглядит точка зрения Джереми ЛаБуффа, что если бы Гераклея решила на агрессию после симполитии, то в таком случае миссия Мосхиона не носила бы столь мирный характер, а потому следует полагать, что этот акт насилия случился не после, а еще до симполитии, и что Евром как раз и отдался под покровительство более сильной и богатой Миласы из-за неспособности защитить себя самостоятельно [LaBuff, 2015, p. 116–117]. Ко времени этой симполитии, очевидно, относится почетный декрет из Еврома в честь Аминты сына Энея, коменданта крепости Петра (см. выше с. 35, примеч. 13).

²¹ Вероятно, к этим событиям относится также и посвяtitельная надпись 13-го по счету жреца Синури: [Μένιππος Ἱερωνύμου τοῦ Ἱερέως [ἰσοθεῖς ἐκ] μεγάλων καὶ παραδόξων κινδύνων, [τοῖς γενο]μένοις ἑαυτ[ο]ῦ μεγίστοις εὐεργέταις [καὶ σωτῆρ]ιν θεοῖς [ἱερ]ατεύων ἀνέθηκεν [χαριστ[ήριον]. – Менипп сын Иеронима внук Иерея, спасенный от огромных и неслыханных опасностей, будучи жрецом, совершил благодарственную жертву богам, ставшим для него величайшими благодетелями и спасителями (Sinuri 8=S 86) [Williamson, 2016, p. 90; 2021, p. 213].

²² Не случайно Миласа заключила с Милетом договор об *исополитии* в 215/214 г. до н.э. (раньше его датировали 209/208 г. до н.э.) [van Bremen, 2018, p. 30]. А в 196 г. до н.э. Миласа выступила в роли посредника при заключении мирного договора между Милетом и Магнесией-на-Меандре [Ruge, 1933, S. 1052].

²³ Εὐρωμέων τε συμ|πολιτευομένων τῷ δήμῳ, τῶν τε ἱερῶν κατασκευασμάτων ἔτ[ι] | δὲ καὶ τῶν ἰδίων ἐκάστου ὑπαρχόντων κατεχομένων ἐν Ἡρακλείᾳ[ι] | ἐξαποσταλεῖς πρὸς Ἡρακλεώτας κατωκονομήσατο τὰ συμφέροντα | τῇ πόλει – «А когда Евромцы вступили в *симполитию* с <нашим> *народом*, а священная утварь и личное в имуществе каждого были удерживаемы в Гераклею, то он был отправлен к гераклеотам и уладил дела с выгодой для полиса» (IMylasa 102, l. 14–18).

Согласно декрету, ему предоставлено право участия в жертвоприношениях наряду с остальными гражданами (I. 11–13: δεδῶσθαι δὲ αὐτῷ καὶ μετουσίᾳ[ν πάντων ὧν καὶ οἱ λοιποὶ πολῖται μετέχουσιν; цит по: [Labarre, 2004, p. 81]). Из декрета ясно, что комендант этот не был гражданином Еврома, отсутствие же этникона явно указывает на то что он был миласцем, а весь декрет относится ко времени симполитии [Labarre, 2004; LaBuff, 2015, p. 117].

Однако симполития эта продлилась, очевидно, недолго: согласно другому сильно поврежденному декрету из Еврома (SEG 33.861=Euromos 3), Миласа требовала с Еврома 50 аттических талантов, и это дело рассматривалось в родосском суде. Дж. ЛаБуфф считает, что между 189 и 167 гг. до н.э. Евром в одностороннем порядке расторгнул симполитию, а Миласа попыталась взыскать с него за расторжение 50 талантов пени [LaBuff, 2015, p. 116]. В 167 г. до н.э. во время восстания Карики против Родоса Миласа в союзе с Алабандой попыталась оккупировать Евром, однако потерпела поражение от войск Родоса (*Pol.* 30.5.11; *Liv.* 45.25.11²⁴).

Читая Страбона, можно понять, что впоследствии Миласа все же поставит **Евром** под свой контроль (см.: [Ruge, 1933, S. 1052]), а вместе с ним и соседний **Халкетор**: «В глубине страны есть три значительных города: Миласы, Стратоникея и Алабанды. Остальные города являются лишь городами, зависимыми от этих или от городов на побережье, как Амизон, Гераклея, Евром и Халкетор. Поэтому о них я буду говорить меньше». (*Strab.* 14.2.22=658; пер. Г.А. Стратановского). Такое предположение для Еврома выглядит маловероятным: его отношения с Миласой в свете предыдущих событий едва ли могли быть добрососедскими [LaBuff, 2015, p. 117]. Что же касается Халкетора, то он во III в. до н.э. – II в. н.э. имел симполитию не с соседними Евромом, Хидай или Миласой, а с приморским Иасом, отделенным от Халкетора южным отрогом г. Грион [LaBuff, 2015, p. 118–120]²⁵.

Таким образом, в III–II вв. до н.э. Миласа, подобно многим другим малоазийским полисам, проводила политику по расширению своей территории: включала в свой состав более слабые окрестные общины на правах симполитии. Симполития была выгодна обеим сторонам: более слабые общины получали защиту от внешних врагов, Миласа же – контроль над плодородными землями и стратегически значимыми территориями (важными дорогами и выходом к морю), и в результате сделалась одним из самых больших и влиятельных полисов Карики.

²⁴ sub idem fere tempus et Caunii descivere ab iis, et Mylassenses Euromensium oppida occuparunt. non ita fracti animi ciuitatis erant, ut non sentirent, si Lycia et Caria ademptae ab Romanis forent, cetera aut se ipsa per defectionem liberarent aut a finitumis occuparentur, includi se insulae paruae et sterilis agri litoribus, quae nequaquam alere tantae urbis populum posset. missa igitur iuuentute propere et Caunios, quamquam Cibyatarum ascuerant auxilia, coegerunt imperio parere; et Mylassenis Alabandensisque, qui Euromensium prouinciam ademptum et ipsi coniuncto exercitu uenerant, circa Orthosiam acie uicerunt. (11) Почти тогда же от родосцев отложились кавнийцы, а жители Милассы завладели городами Евромской области. (12) Родосцы не настолько пали духом, чтобы не понять: если римляне отнимут у них Ликию и Карию, а прочие владения либо от них отложатся и станут свободны, либо захвачены будут соседями, то им, родосцам, останется только остров маленький и бесплодный, и тогда столь многочисленного города не прокормить. (13) А потому они поспешно послали молодежь на кавнийцев, которых и вынудили покориться, хоть те и вызвали помощь из Кибирис, а жителей Милассы и Алабанды, явившихся, чтобы вместе завладеть Евромской областью, они разбили в сражении подле Ортозии (пер. О.Л. Левинской).

²⁵ Халкетор располагался в 4 км юго-восточнее Еврома, близ совр. деревни Каракую и теоретически вполне мог входить в число «городов Евромской области» (τὰς ἐν Εὐρώμῳ πόλεις / Euromensium oppida), о которых пишут Полибий и Тит Ливий (*Polyb.* 30.5.11; *Liv.* 45.25.11). В одной сильно поврежденной надписи из Халкетора, датированной по форме букв III в. до н.э., упоминается симполития, заключенная при участии царя; ни имя царя, ни название второго полиса не сохранились (IMylasa 913). Но позднее были опубликованы еще три надписи (одна из них II в. до н.э., а две другие – эпохи принципата), датированные по иасским стефанефорам и содержащие упоминание о присутствии в Халкеторе иасского στρατὸς ἐπὶ χώρας. Причиной для симполитии, очевидно, стало то, что оба полиса хорошо дополняли друг друга: Иас располагался на бесплодной земле, но возле богатого рыбой моря (*Strab.* 14.2.21=658), тогда как Халкетор лежал на плодородной равнине.

В период Поздней Римской Республики Миласа пережила тяжелые времена, когда малоазийские греческие полисы подвергались жутким вымогательствам со стороны римских наместников и для уплаты многочисленных поборов вынуждены были обращаться к не менее жадным римским ростовщикам, чем еще больше ухудшали свое финансовое положение. Так, 51 г. до н.э. Миласа, как и ряд других полисов, оказалась в больших долгах перед банкиром Клувием из Путеол (*Cic. Fam.* 13.56). В этот период миласцы дважды избирали руководителями полиса ярких и харизматичных лидеров: Евтидема, а позднее Гибрея, считавшихся одними из самых выдающихся ораторов своего времени. Оба они проявили чудеса дипломатической изворотливости, чтобы удержать родной полис «на плаву». А Гибрей даже восстановил Миласу за свой счет после того как в 40 г. до н.э. её разграбили парфянские отряды Квинта Лабиена²⁶ (*Strab.* 14.2.24=659–660). Об этих событиях подробнее см.: [Delrieux, 2010; Delrieux, Ferrière, 2004(1–2)].

Когда-то мы предполагали, что поскольку большинство интересующих надписей традиционно датируются достаточно широко: II–I вв. до н.э., то, возможно, именно в тяжелых условиях I в. до н.э. миласцы и начали массово продавать свои земли и снова брать их же в аренду, стремясь тем самым укрыться под защиту храмов. Однако новейшие исследования показывают, что они, на самом деле, относятся к относительно благоприятному для Миласы периоду середины II в. до н.э. (о датировке надписей см. ниже, с. 41–44).

СТРУКТУРА ГРАЖДАНСКОГО КОЛЛЕКТИВА: ФИЛЫ, СИНГЕНИИ, ПАТРЫ

Гражданский коллектив Миласы имел трехуровневое деление на филы, *сингении* и *патры*. Тем не менее надписи демонстрируют многочисленные отступления от этой схемы: мы не всегда знаем к какой из фил какая сингения принадлежала, а, например, сингения Пормуна (Синури), судя по всему, ни в какую филу вообще не вошла.

Сингении были базовыми общественно-политическими единицами в Кари²⁷, как правило, они группировались вокруг святилищ богов-покровителей [Williamson, 2016, р. 83, п. 22], считавшихся одновременно собственниками общественных земель. А потому все сделки совершались с санкции народного собрания общины. Даже войдя в состав полиса, сингении сохраняли высокую степень автономии и в целом копировали полисные институты и практики: проводили народные собрания, избирали должностных лиц, издавали декреты, в т.ч. в честь наиболее достойных граждан, сделавших что-то полезное для сингении. Например, почетные декреты в честь *эгдигов* – своего рода «адвокатов», защищавших имущественные интересы сингении в полисном суде Миласы (см. Sinuri 11=S 1) [Williamson, 2016, р. 91–92]. Так, в Миласе из 57 опубликованных почетных декретов 39 изданы филими и сингениями, т.е. примерно две трети, и только оставшаяся треть – общеполисные [Williamson, 2016, р. 92].

Изначально *сингения* представляла из себя группу семей, происходящих от общего предка-эпонима. Само слово *συγγένεια* и его производные впервые появляются в литературных источниках V–IV вв. до н.э. и означают самые разные варианты семейно-родственных отношений (подробнее см.: [Bresson, Debord, 1985, р. 194–196]). В Миласе же, как видно из надписей, родственный характер сингений со временем всё больше нарушался, и послед-

²⁶ Квинт Лабин в 43 г. до н.э. был отправлен убийцами Цезаря к парфянскому царю для заключения союза против триумвиров, в 41 г. до н.э. во главе парфянских отрядов вторгся в Сирию, Киликию и Карию, в 39 г. до н.э. разбит и казнен в Киликии [Frigo, 1999].

²⁷ Страбон пишет, что в состав влиятельной в Кари²⁷ Хрисаорейской лиги принимались только представители «селений» (κόμαι), а не полисов (*Strab.* 14.2.25=660). Судя по всему, под «селениями» он подразумевал именно сингении [Bresson, Debord, 1985, р. 209].

ние превратились просто в структурные подразделения полиса: в одних случаях сингения могла контролировать конкретную территорию²⁸, в других случаях люди могли занимать общественные должности в чужих сингениях (примеры см. в нашей статье).

Еще ок. 350–344 г. до н.э. народное собрание сингении Пелек по приказу правителей из династии Гекатомнидов Гидрея и Ады постановило принять в состав сингении в качестве «брата» некоего Несея и всех его потомков (Sinuri 73=S 8). А при Плейстархе (македонском правителе Карики кон. IV – нач. III вв. до н.э.) сменившая её сингения Пормуна приняла в свой состав некоего Самада сына Феодота и всех его потомков (Sinuri 44=S 10). В обоих декретах отсутствуют упоминания о Миласе, что наводит на мысль о том, что святилище Синури в это время еще сохраняло независимость [Williamson, 2021, p. 216].

Известны даже примеры, когда родные братья принадлежали к разным сингениям. Так, в одних и тех же списках должностных лиц упоминаются братья Деметрий, Антипатр и Аттина – все трое сыновья Гермия и внуки Антипатра. При этом Аттина с Антипатром принадлежали к сингении Кормосконов, а Деметрий (и, предположительно, их общий отец Гермий) – к сингении Парембордов [van Bremen, 2018, p. 20, n. 6]²⁹.

Один и тот же человек, по-видимому, мог даже состоять в двух сингениях одновременно (по крайней мере в некоторых случаях [Williamson, 2021, p. 102]): так, Паммен сын Гермогена из сингении Таркондаров входил в коллегию *ктематонов* сингении Пормуна (Sinuri 47a; 50), а к олимской сингении Мауннитов принадлежали жрецы Зевса Лабрандийского Улиад сын Гекатомна (IMylasa 501) и Гекатомн сын Улиада (IMylasa 814 = O 41, l. 5).

Помимо фил и сингений, в надписях из Олима и Лабраунды иногда упоминаются также *патры* – судя по контексту, структурные подразделения сингений [Ruge, 1937, S. 2512]. По одной из гипотез, это бывшие сингении, «пониженные в статусе» после присоединения к Миласе, когда олимские филы сами были «понижены в статусе» до сингений [Периханян, 1959, с. 14; Bresson, Debord, 1985, p. 205, 208; LaBuff, 2015, p. 109 etc.]. В декрете из Лабраунды между 246 и 220 г. до н.э. Коррис назван главой *сингении*: ... δεδόχθαι τῷ ἱε[ρ]εῖ Κόρριδι καὶ τοῖς [συ]γγενέσ[ι] τοῦ | [Κόρρ]ιδος <...> εἶναι δ' αὐτὸν φυλῆς || [Γβα] νόλλιος μετέχοντα ἱερῶν καὶ τῶν λοιπῶν πάντων – «жрец Коррис и сингения Корриса решились, <...> что он будет принадлежать к филе Ибанолия³⁰, имея долю в святилище и во всем остальном» (ILabraunda 11=L 6), а в письме Олимпиха миласцам 220 г. – уже главой *патры*: διὰ [λεγέντων δὲ] | <τοῦτων> [τῇ] πάτ[ρ]αι τοῦ Κόρριδος (ILabraunda 4=L 41). На этом основании А. Брессон и П. Дебор полагают, что после присоединения к Миласе Лабраунду «понижили» из сингении до *патры* [Bresson, Debord, 1985, p. 205].

Патры известны и в некоторых других полисах: в Дельфах и Милете как *патриаί*, на Фасосе – *пáτρη*. На Теносе в кон. IV – нач. III вв. до н.э. *пáтра* представляла собой коллектив родственников по мужской линии, носивший имя общего предка, объединенный общим культом, принимавший декреты и даже избиравший своих магистратов; членство в *патре*

²⁸ В олимских надписях неоднократно упоминаются земельные участки, расположенные «в Кибимах» (ἐν Κυβίμῃς – LW 323; 324; 331 = IMylasa 817; 818; 801 и др.): Кибимы – одна из олимских сингений.

²⁹ Приведём выдержки только из некоторых надписей, поскольку в большинстве из них текст восстановлен: Ἀντίπατρον Ἑρμίου τοῦ Ἀντίπατροῦ | [Κορμοσκωνεῖς...] (IMylasa 808=O 35); [— Ἀντίπατρον Ἑρμίου τοῦ] Ἀντίπατρον Κορμοσκωνεῖς (IMylasa 843=O 71); [... Ἀτ]| [τῇ] πάτ[ρ]αι τοῦ Ἀντίπατρον Κορμοσκωνεῖς (IMylasa 806, l. 5–6 = O 33); Ἀττίαν Ἑρμίου τοῦ Ἀντίπατρον, Ἀριστέαν Ἰάσονος τοῦ Ἀντιλέοντος Κορμοσκωνεῖς (IMylasa 814=O 41, l. 6); [...Δη]| [μνητρί]ου τοῦ Ἑρμίου τοῦ Ἀντίπατρον καθ' υἱοθεσίαν δὲ Αἰνέου Παρεμβορδέως (IMylasa 861=O 3=LW 339); Ἑρμίου Ἀντίπατρον τοῦ Ἑρμίου ἱερεῖ Διὸς Κρητ[α]γενούς κ[α]ὶ Κουρήτω[ν] Παρεμβορδέων... (IMylasa 806=O 33, l. 8).

³⁰ Больше эта филы нигде не упоминается; предположительно она могла быть частью некоей общности, к которой сингения Лабраунды принадлежала до присоединения к Миласе [Bresson, Debord, 1985, p. 205, n. 54]. Остаётся непонятным, каким образом сингения могла принимать человека в филу, т. е. в единицу более высокого уровня.

передавалось по наследству сыну, по достижении его отцом 50 лет, но в некоторых случаях оно могло переходить к дяде по отцовской линии, или даже к незаконнорожденному сыну [Étienne, 1990, p. 37–42]³¹.

Собственно Миласа состояла из трёх фил: Оторкондов, Хиарбесотов и Конодоркондов, причём первая упоминается в надписях чаще всего, а две другие – редко³². В состав этих фил входили следующие сингении: Таркондары и Маунниты – в филу Оторкондов, а Аганиты – в филу Хиарбесотов [Bresson, Debord, 1985, p. 208; Williamson, 2021, p. 189–215]. А к каким филам принадлежали остальные сингении, неизвестно.

Гражданский коллектив Олима после присоединения к Миласе делился на четыре сингении: Моссов, Кибимов, Кандебеев и Солонеев³³. Интересно, что первые три упоминаются в олимском декрете II в. до н.э., в котором дословно сказано, что раньше они назывались филами, а теперь – сингениями (IMylasa 861 = LW 339 = LSAM 58 = O 3, l. 8–9)³⁴, а Солоней в этом декрете не упоминаются вовсе, и до недавнего времени было известно лишь одно упоминание о них (LW 323 = IMylasa 817). Раньше на этом основании предполагали, что первоначально в Олиме имелось только три филы, которые после симполитии с Миласой были «понижены в статусе» до *сингений*, а сингения Солонеев была образована или присоединена к Олиму позже [Ruge, 1937, S. 2512]. Однако Солоней присутствуют в уже упоминавшемся выше декрете III в. до н.э., в котором речь идет о симполитии между Олимом и Миласой (см. выше, с. 33) и который наводит на мысль, что Солоней изначально тоже могли быть филлой: ἐπειδὴ Σολωνεῖς... | συγγεν[ε]ίας δὲ τῆς Κανδηβέων <...> ... τὰς φυλὰς Σολω[v-] [Rumscheid, 2004, S. 55, Nr. 12, Z. 3–4, 6]. Если в III в. до н.э. некий Полит сын Тисса из Терсогассы (Πολίτης Θυσσου Τερσσωγασσεύς) был принят в одну из олимских фил³⁵, то в дальнейшем новых граждан в Олиме принимали уже в сингении (IMylasa 868 = O 17). Во втором примере (в отличие от первого) не указан *этникон*³⁶ – это явно говорит о том, что принимаемый в олимскую сингению был гражданином Миласы. Комментируя этот факт,

³¹ Развернутое определение патры некогда сформулировал ученик Аристотеля Дикеарх из Мессены (о нём см.: [Sharples, 1997]), которое дошло до нас в пересказе Стефана Византийского (VI в., «Этника», глава «Патра»). Дикеарх выделяет три типа общественных объединений (κοινονία): патра, фратрия и филла. Патру он определяет как группу людей, связанных родством (συγγένεια) и общим культом, в первую очередь родителей и детей, и носящую имя общего предка-эпонима (например, Аякиды и Пелопиды). Фратрия же по Дикеарху объединяет братьев и сестёр, в том числе вышедших замуж и утративших право участвовать в культовых мероприятиях родительской патры, но стремящихся поддерживать отношения с кровными родственниками. На основании этого текста А. Брессон и П. Дебор предполагают, что миласские сингении изначально могли быть разновидностью фратрий [Bresson, Debord, 1985, p. 193], что, однако, на наш взгляд, маловероятно, поскольку в Миласе известно одно-единственное упоминание фратрии: Ἡ φρατρία τῶν Δαρρώνιστων | δαίμονι Δημόκριτης [Blümel, 2004, S. 15, Nr. 20].

³² Такой разрыв не удивителен, т. к. центром филы Оторкондов был храм Зевса Осогоа [Pernin, 2014, p. 413] – один из трех крупнейших миласских храмов, которые упоминает Страбон (другие два: Зевса Карийского и Зевса Лабраундского в Лабраунде: *Strab.* 14.2.23=659).

³³ В старой литературе миласские сингении иногда почему-то называли «демами» (см., например: [Cousin, 1898, p. 435–436]).

³⁴ ... πρὸς δὲ τοὺς ὑπαρχουσὺν τοῦ Ὀλυμ[έ]ων δήμου τῶν τριῶν πρότερον μὲν φυ[λ]λ[ων] κα[ὶ] λουμένων, νῦν δὲ συγγενειῶν, τῆς τε Μωσσέων καὶ Κυβιμέων καὶ Κανδηβέων... То же и в другой надписи: καὶ τὰς γέας | τὰς οὐσας τῆς ἐν Ὀλύμῳ Μωσσέων συγγενείας πρότερον δὲ φυλῆς καλουμένης – ... «и другие земли, принадлежащие олимской сингении Моссов, которая прежде называлась филлой...» (IMylasa 806, l. 10).

³⁵ ... εἴ[ν]αι [δὲ] αὐτὸν φυλῆς ἧς ἂν [αὐ]τ[ὸς] θέλῃ – «чтобы он состоял в той филе, в которой он сам пожелает» (IMylasa 866 = O 15, l. 7–8).

³⁶ ἐπ[ὶ] στεφανηφόρου Αἰ[—] ἔδοξε τῷ Ὀλυμ[έ]ων τ[ῷ] δήμῳ· ἐπειδὴ —]ου τοῦ Θρασέου ζηλω[τ]ῆς ὦν <...> — στεφανῶσαι αὐτὸν | ἀρετῆς καὶ εὐεργεσίας ἐν[ε]κα τῆς εἰς τὸν δῆμον, γράψασθαι δὲ συγγ[ε]ν[ε]ίας ἧς ἂν αὐτὸς βούλ[η]ται – «При Стефанефоре Э... Олимский народ постановил: поскольку ... сын Фрасея, будучи ревностным <...> увенчать его венком за его доблесть и благодеяния для народа и записать <в> ту сингению, в которую он сам пожелает» (IMylasa 868 = O 17, l. 1–3, 13–15).

Дж. ЛаБуфф отмечает весь парадокс ситуации: если граждане подконтрольных Миласе общин считались миласскими гражданами и в силу этого имели право участвовать в общественной жизни Миласы, но граждане собственно Миласы не имели гражданства в подконтрольных общинах и должны были приобретать его отдельно, и такое гражданство было по каким-то причинам привлекательным для представителей миласской элиты [LaBuff, 2015, p. 109–110]. Первое объяснение, которое приходит в голову: возможно, представители миласской элиты таким способом пытались получить доступ к земле подконтрольных общин.

Когда прежние олимские филы превратились в сингении, то входившие в их состав сингении превратились в патры, как это, видимо, случилось и с Лабраундой (см. выше, с. 38), т. к. если бы под патрами всегда понимались только кровнородственные общины, тогда невозможно объяснить каким образом олимские декреты предписывают новых граждан «распределять с помощью жребия» (ἐπικλῆ[ρῶσαι]) по сингениям и патрам: ... Ἐστιαῖος Δημητρίου κατὰ δὲ υἱοῖ[[θ]]εσίαυ Ἐστιαίου, Ἰάσων Διοσκοουρίδου, Ἀπολλ[λ]ώνιος Παρμενίσκου Μαυννίται οἱ εἰρημέ|νοι ἄνδρες ὑπὸ τοῦ δήμου τοῦ Ὀλυμέων κατὰ | ψήφισμα· ἐπικλῆ[ρῶσαι] τοὺς γεγενημένους | [Ὀλ]υμεῖς ἐπὶ τε συγγένειαν καὶ πάτραν· εἰ[[να]ι? – «...Гестиэй сын Деметрия, приемный сын Гестиэя, Ясон сын Диоскорида <и> Аполлоний сын Пармениска – Маунниты; перечисленные народом Олимцев люди согласно решению народного собрания; распределить по жребию новых граждан Олима (досл.: «ставших олимцами» – τοὺς γεγενημένους | [Ὀλ]υμεῖς. – Н.М.) по сингениям и патрам; быть?...» (IMylasa 876=O 11).

Интересно отметить отличие между Олимом и Синури: в Олиме даже после симполитии с Миласой декреты, как правило, принимал «народ Олимцев» (δῆμος τῶν Ὀλυμέων), а не каждая сингения сама по себе. Центром же общественной жизни Олима был храм Аполлона и Артемиды. В одном декрете из Олима (II в. до н.э.) предписывается распределить население Олима и Лабраунды по филам, сингениям и патрам (LW 334=IMylasa 863=O 30, l. 2–5, 10–13). Это звучит странно, поскольку еще в 220 г. до н.э. миласцы объявили Филиппу V, что жители Лабраунды являются их гражданами и принадлежат к их филам: ... ἀπέφαινον δὲ καὶ τοὺς ἐν τῷ[ι] | ἱερῷ διατρίβοντας πολίτας ὑμῶν εἶναι καὶ φυλάς | νέμειν καὶ τοῖς αὐτοῖς χρῆσθαι νόμοις – «... Они также доказали, что те кто живут вокруг святилища являются вашими гражданами, принадлежат к филам и пользуются теми же законами» (ILabraunda 5 = L 33, l. 31–33). Судя по всему, перераспределение граждан – это попытка Миласы упрочить контроль над Олимом и Лабраундой: упоминание секретаря и совета показывает, что декрет IMylasa 863 был принят именно миласскими властями, а не жителями Олима [Bresson, Debord, 1985, p. 206, n. 59].

Всего же в Олиме и Миласе насчитывается не менее 12 сингений, а вместе с Лабраундой, Синури и др. их должно было быть больше. Исабель Пернен перечисляет следующие 12 сингений [Pernin, 2014, p. 421, tabl. 65]:

Миласа	Олим	?
Аганинты	Кандеbei	Болли[.]еи
Маунниты	Кибимы	Кормосконы
Огондеи	Моссы	Массонеи
Таркондары	Солонеи	Паремборды

Правда здесь исследовательница противоречит сама себе, т. к. несколькими строчками выше на той же странице она сама же пишет, что абсолютно ничто не говорит о принадлежности этих таинственных «Болли[.]еи» к числу сингений [Pernin, 2014, p. 421].

Упоминаются же они всего один раз при перечислении соседей, граничащих с проданным участком Фрасея: καὶ ἀπὸ τῆς γῆς τῆς Βολλί[—]εων τῆς ἐχοῦσης αὐτὴν ἐν μισθ[ώ]σει Μελιτίνης τῆς Ἐκαταίου μετὰ κυρίου τοῦ ἀνδρὸς Μενάνδρου τοῦ Γλαύκου – «... а со стороны земли Болли[.]еев <в качестве свидетельницы выступила. – Н.М.> Мелитена дочь Гекатея, арендующая её с позволения своего мужа Менандра сына Главка» (IMylasa 214, l. 8–9). Кроме того, по непонятным причинам она совершенно забыла сингению Тетрафилов, которая известна в Олиме³⁷ и Хидаи (IMylasa 902). Поскольку это единственная сингения, чье название явно происходит из греческого языка, а не из карийского, как у всех остальных, то можно предположить, что она возникла позднее прочих [Bresson, Debord, 1985, p. 207, n. 68].

ДАТИРОВКА НАДПИСЕЙ

Традиционно «арендный бум» в Миласе (и присоединенном к ней Олиме) было принято относить ко 2-й пол. II – 1-й пол. I в. до н.э. Однако новейшие исследования предлагают сместить эти даты примерно **на начало – середину II в. до н.э.** Главная трудность для датировки состоит в том, что все миласские надписи датированы исключительно по архонтам-эпонимам *стефанефорам*, однако никакого списка стефанефоров до нас не дошло, а потому пока невозможно выстроить ни абсолютную, ни относительную их хронологию. Палеографические же особенности дают слишком широкие, приблизительные датировки. Уже давно появилась идея выстроить хотя бы относительную хронологию надписей на основании просопографических данных – сопоставляя упоминаемые в них имена [Ruge, 1937, S. 2514–2515]. Однако трудно найти зацепки, чтобы привязать эту относительную хронологию к конкретным датам.

Лет двадцать назад Гари Регер предположил, что миласские надписи можно датировать на основании того, в какой монете в них указаны цены: если в «малых родосских драмах» (ἄργυριον Ῥόδιον λεπτόν), то **180–160-ми гг. до н.э.**, а если просто в серебряных драмах (без уточнения в каких именно), то рубежом 190–180-х гг. до н.э. и ранее. Дело в том, что начиная с 340-х гг. до н.э. Родос чеканил серебряные монеты по своему стандарту – 1 драхма = ок. 3,4 г.³⁸ Однако примерно с 225 г. до н.э. по этому стандарту он продолжил чеканить только дидрахмы и тетрадрахмы, а драхмы – по новому, еще более легкому стандарту ок. 2,8–2,5 г (а также гемидрахмы 1,1–1,49 г [Bresson, 1996, p. 66]), и именно эти облегченные драхмы получили большую популярность в Кarii (в т.ч. в Миласе, которая в этот период своих монет, по-видимому, не выпускала). Но уже с 190–180-х гг. до н.э. Родос от облегченного стандарта отказался и начал выпускать т. н. *плинтофоры* – серебряные драхмы весом ок. 3 г с квадратным углублением на оборотной стороне [Ashton, Reger, 2006, p. 127–128]. Причины этой реформы неясны. Ричард Эштон обращает внимание, что примерно в эти же годы в Пергамском царстве началась чеканка серебряных *кистофоров* по тому же стандарту 3 г и предполагает, что Пергам и Родос, будучи союзниками, могли провести синхронную реформу в контексте борьбы с Селевкидами³⁹. После этой реформы Миласа (как и ряд других малоазийских полисов) сами наладили у себя выпуск столь привычных для них драхм прежнего стандарта, но еще более облегченного (2,4, а позднее и вовсе 2,2 г) и родосского

³⁷ Тетрафилов упоминаются в одном ряду с представителями сингений Мауннитов, Кормосконов и Парембордов (IMylasa 806=O 33, l. 1–2); Огондеев и Таркондаров (IMylasa 871=O 16), а также в сильно поврежденном документе об аренде II в. до н.э.: σίου Τετράφυλος· μάτρ[υ]ρες δ[ικασταί] [Blümel, 2004, S. 6, Nr. 7, Z. 23].

³⁸ Аллен Брессон приводит цифру немного ниже, 3,3–3,35 г [Bresson, 1996, p. 66].

³⁹ Ряд исследователей склонны датировать начало чеканки *кистофоров* 160-ми гг. до н.э.; возражения им см.: [Ashton, 2013, p. 245–249].

же типа (*л.с.* голова Гелиоса с орлом на правой щеке, *о.с.* роза)⁴⁰ [Ashton, Reger, 2006, p. 129]. Именно тогда, по мнению Г. Регера, и появилась необходимость уточнить в каких именно драмах указана цена, в результате чего в миласских надписях и появляется упоминание «малой родосской драхмы», которую правильнее было бы назвать «псевдо-родосской», поскольку чеканилась она не на Родосе, а в Миласе. Г. Регер выдвигает две гипотезы почему Миласа не стала копировать новые родосские плинтофоры. Он предполагает, что они могли чеканиться специально для приобретения миласскими святилищами земли. В таком случае переход на более тяжелую монету привел бы к росту цен, что для святилищ было бы невыгодно. Возможно, также сыграли роль и политические противоречия с Родосом, которому римляне по Апамейскому миру передали контроль над большей частью Ликии и Кари, за исключением Миласы и еще некоторых полисов, а в таких условиях выпуск плинтофоров мог бы восприниматься как признание подчиненного положения по отношению к Родосу [Ashton, Reger, 2006, p. 129–131].

Эти рассуждения сходу вызывают вопросы: почему выражение «малая родосская драхма» могло появиться только в 180-е гг. до н.э. как противопоставление новым более тяжелым плинтофорам, а не после 225 г. до н.э. как противопоставление старым драхам 3,4 г? Судя по всему, Г. Регер просто не посчитал нужным объяснять факты, которые ему как специалисту кажутся очевидными. Дело в том, что старые драхмы 3,4 г предназначались для внутриродосского употребления и за пределами Родоса встречаются чрезвычайно редко, в отличие от более поздних драхм 2,5–2,8 г, которые не только широко встречаются за пределами Родоса (в особенности в материковой Греции и на Крите), но и сами стали образцом для многочисленных подражаний [Apostolou, 1995, p. 8]. Переход же на плинтофоры, видимо, был вызван стремлением родосских властей защитить свой внутренний рынок от неконтролируемого наплыва иностранных подражаний [Apostolou, 1995, p. 17, n. 95]⁴¹.

Исабель Пернен и Раймон Деска, основываясь на палеографических и хронологических критериях, пришли к примерно таким же результатам, что и Г. Регер, хотя и не во всем согласились с его аргументацией [Descat, Pernin, 2008. Цит. по: Pernin, 2014, p. 405; van Bremen, 2018, p. 22]. Однако позднее И. Пернен пересмотрела свои взгляды и в итоге пришла к выводу, что большинство олимских надписей следует отнести к середине – концу II в. до н.э. [Pernin, 2014, p. 410].

Из семи десятков миласских и олимских надписей известны имена ок. 20 стефанефоров, таким образом, описываемые в них события заняли не менее четверти века; а сопоставление всех упомянутых в этих надписях имён позволяет распределить их по трем поколениям [Pernin, 2014, p. 406–408, tabl. 61–62]. Критикуя идеи Г. Регера за ненадежность, И. Пернен

⁴⁰ В малоазийских кладах драхмы такого стандарта будут встречаться вплоть до 100–90-х гг. до н.э. включительно [Ashton, Reger, 2006, p. 132, n. 22].

⁴¹ Не имея собственных месторождений серебра и золота, Родос стремился защитить свои монеты от вывоза за границу, и именно с этой целью чеканил их по своим особым стандартам (3,4, а позднее – ок. 3 г), чтобы их неудобно было обменивать на имевшие в то время международное хождение монеты аттического весового стандарта [Bresson, 1996, p. 75–76]. Однако на рубеже III–II вв. до н.э. Родос вынужден был временно изменить свою денежную политику в связи с необходимостью вести активные войны и оплачивать наемников. А потому в этот период он выпускал тетрадрахмы александровского типа и аттического весового стандарта, которые в эллинистическое время служили стандартным средством для оплаты наемников [Bresson, 1993, p. 167] и одновременно с этим наладил выпуск новых облегченных драхм весом 2,5–2,8 г также для оплаты наемников [Bresson, 1996, p. 71–72]. Последние же стали так популярны за пределами Родоса и сделались объектом для подражания отчасти, вероятно, потому, что они оказались близки по весу к тетраболам аттического стандарта [Apostolou, 1995, p. 10], хотя родосские власти изначально, видимо, вовсе и не ставили себе целью создать эквивалент аттического тетрабола [Bresson, 1996, p. 72, 76]. Поскольку одна аттическая драхма весила 4,32 г и состояла из 6 оболов, то тетрабол должен был бы весить не 2,5, а 2,88 г; такую небольшую разницу, впрочем, можно объяснить тем, что монеты мелкого номинала часто весили меньше, чем должны были бы весить в теории [Bresson, 1996, p. 69].

указывает, что в документах, отнесенных ею как ко второму, так и к третьему поколениям, в одних цены указаны просто в драмах, а в других – в малых родосских драмах, и только в документах первого поколения цены всегда в драмах [Pernin, 2014, p. 410, tabl. 63]. Таким образом, оба вида драм вполне могли иметь обращение одновременно; кроме того, во многих документах невозможно сказать о каких именно драмах идет речь, т. к. тексты повреждены.

В качестве хронологической привязки И. Пернен, вслед за предшествующими исследователями [Ruge, 1937, S. 2516], берет декрет филы Оторкондов (IMylasa 109) в честь Ятрокла сына Деметрия из сингении Таркондаров, который ездил послом к М. Юнию Силану – римскому проконсулу Азии 76 г. до н.э. Этот самый Ятрокл, как предполагают, мог приходиться сыном Деметрию сыну Ятрокла, приемному сыну Драконта из сингении Таркондаров (IMylasa 138–140), которого французская исследовательница отнесла к третьему поколению [Pernin, 2014, p. 408, tabl. 62]. При всей своей очевидной ненадежности эта привязка по крайней мере не противоречит её построениям; другие же известные ей хронологические привязки, как она показывает, еще менее надежны [Pernin, 2014, p. 405–416].

Рит ван Бремен отвергла такую хронологическую привязку как совершенно ненадежную и предлагает другие, более, на наш взгляд, надежные (см. ниже), на основании которых датировала арендные надписи из Олима еще более узким отрезком времени, **ок. 160–130 гг. до н.э., ± 10 лет** до и после этого периода [van Bremen, 2018, p. 28]. Исходила она из следующих данных: практически во всех случаях, где сохранился перечень *ктематонов* и *мистотов*⁴² (таких случаев насчитывается как минимум девять и при семи *стефанефорах*), первым в списке всегда стоит Деметрий сын Гермия внук Антипатра, приёмный сын Энея, т. е. он явно был среди них главным (а два его брата, Антипатр и Аттина, также присутствуют в составе возглавляемой им коллегии *ктематонов* / *мистотов* семь и шесть раз соответственно)⁴³. И этот же самый Деметрий (уже при восьмом по счету *стефанефоре* Ятрокле сыне Леонта внуке Мелания) выступил инициатором декрета (IMylasa 861 = LW 339 = LSAM 58 = O 3), подтвердившего право участвовать в отправлении культа Аполлона и Артемиды для членов трех бывших Олимских фил (преобразованных после объединения с Миласой в *сингении*) [van Bremen, 2018, p. 19–20]. Упоминание восьми разных архонтов-эпонимов показывает, что период активной деятельности Деметрия охватывает не менее десяти лет.

В нескольких документах вместе с Деметрием упоминается, в числе прочих, некий Сибил сын Диодора внук Фрасея (IMylasa 801–804 = O 1; 6; 30*6; 31), который явно приходится сыном Диодору сыну Фрасея – одному из соседей-свидетелей при другой сделке (IMylasa 217=Sinuri 13=M 167), где вторым соседом указан Гибрей сын Поликрита, приёмный сын Гибрея сына Кратера, жрец бога Синури⁴⁴. Этот же самый Гибрей фигурирует еще в двух надписях в качестве *стефанефора* (IMylasa 103=M 27 и 217B) [van Bremen, 2018, p. 27]. Таким образом, IMylasa 103 создана примерно на поколение раньше Деметрия. Датировается же она по палеографическим характеристикам началом II в. до н.э. (хотя ранее В. Блюмель датировал её концом II – началом I в. до н.э.) [van Bremen, 2018, p. 23–24].

Другая надпись, открытая несколько лет назад в центре Миласы [van Bremen, 2018, p. 23, fig. 1], позволила уточнить эту датировку до 190–160-х гг. до н.э. Согласно ей, не-

⁴² Должностные лица, ответственные за покупку земли для гражданской общины (*ктематоны*) и за сдачу её в аренду (*мистоты*); о них подробнее пойдет речь во второй части статьи.

⁴³ И. Пернен насчитала 18 упоминаний этого Деметрия [Pernin, 2014, p. 408], однако часть из них относятся к одним и тем же сделкам [van Bremen, 2018, p. 19, n. 4]. В относительной хронологии И. Пернен он принадлежит к 3-му поколению [Pernin, 2014, p. 408, tabl. 62].

⁴⁴ Из текста непонятно кто же из двоих был жрецом, приёмный отец или приёмный сын: [Υἱρέ]ου τοῦ Πολυκρίτου κατὰ δὲ νιοθεσίαν Ὑβρέου τοῦ Κρατέρου ἱερέως Σινυρί

кий Аристоним сын Аполлодора (Ἀριστόνυμος Ἀπολλοδόρου) воздвиг алтарь Исиде и Сарапису в честь Аттала, брата царя Евмена. Тот же самый Аристоним сын Аполлодора (Ἀριστόνυμ[ου τ]οῦ Ἀ[πολλοδόρου] ...) упоминается также в IMylasa 103, l. 4 (см. фото: [van Bremen, 2018, p. 24, fig. 2]). О том что перед нами один и тот же человек, Р. ван Бремен судит на том основании, что никаких других Аристонимов ни Аполлодоров в миласской эпиграфике больше неизвестно [van Bremen, 2018, p. 24].

Эта новая надпись датируется периодом правления Пергамского царя Евмена II (между 197 и концом 160-х гг. до н.э.) и может относиться либо ко времени после Апамейского мира 188 г. до н.э., когда римляне в награду за поддержку в войне против Антиоха III большую часть Карию отдали под контроль Родоса, а Миласу сделали независимой; либо к 167 г., когда Миласа попыталась захватить Евром, что привело к неудачной для неё войне с Родосом, в которой её поддерживала Алабанда (*Polyb.* 30.5.11–15; *Liv.* 45.25.11; подробнее см. выше, с. 36) и в которой она, видимо, попыталась заручиться поддержкой Пергама.

В пользу такой датировки свидетельствует также упоминание Гекатея сына Гекатея внука Менексена (IMylasa 103, l. 3–4), выступающего в должности *стефанефора* в другой надписи, в которой упоминается *симполития* с Евромом (Εὐρωμέων τε συμ|πολιτευομένων τῷ δῆμῳ; IMylasa 102=M 25, l. 14–15). Очевидно, что последняя была невозможна до присоединения к Миласе Олима, поскольку Олим располагается как раз на пути между Миласой и Евромом [van Bremen, 2018, p. 26]. *Симполития* же Миласы и Олима предположительно относится еще ко 2-й пол. III в. до н.э. и считают последствием дарования Селевком II независимости Миласе ок. 246 г. до н.э. [van Bremen, 2018, p. 20, n. 5].

Таким образом, на поколение старше Деметрия – это 190–160 гг. до н.э., следовательно, период активной деятельности Деметрия (а вместе с ним и большинство арендных сделок в Олиме) относятся к 160–130 гг. до н.э. [van Bremen, 2018, p. 28].

В пользу предложенной Р. ван Бремен датировки говорит тот факт, что последняя также упрощает реконструкцию списка жрецов Зевса Лабраундского (земли Олима и Лабраунды граничили друг с другом), позволяя выделить три последовательных поколения:

1) Гекатомн, жрец Зевса Лабраундского времен селевкидского стратега Олимпиха (240–220-е гг. до н.э.);

2) *Его сыновья*: Коррис сын Гека[томна, жрец Зевса] Лабраундского (IMylasa 102. l. 2; 841. l. 6–7) и Улиад сын Гекатомна внук Корриса (IMylasa 841. l. 8; 853. l. 3⁴⁵ – *грамматевс* совета; 864. l. 13–14), оба – 190–160-е гг. до н.э.;

3) Гекатомн сын Улиада, жрец Зевса Лабраундского (IMylasa 501. l. 3–4 – из *сингении* Мауннитов; IMylasa 801. l. 22; 803. l. 4; 814. l. 5) современник Деметрия, 160–130-е гг. до н.э.

Тогда как при традиционной хронологии (II–I вв. до н.э.) между 1) и 2) приходится вставлять еще два добавочных поколения [van Bremen, 2018, p. 29–30].

Таким образом, датировка надписей показывает, что пик экономической активности миласских святилищ пришелся на относительно благоприятный и спокойный для Миласы период – середину II в. до н.э., когда по Апамейскому миру 188 г. до н.э. римляне провозгласили Миласу независимым и свободным от повинностей полисом.

⁴⁵ В этой надписи также упоминается последний македонский царь Персей (179/78–168 гг. до н.э.).

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

Euromos – McCabe, Donald F. *Euromos Inscriptions. Texts and List*. «The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia», The Institute for Advanced Study, Princeton (1991). Packard Humanities Institute CD #7, 1996. <https://epigraphy.packhum.org/biblio#b492>

Hyllarima – McCabe, Donald F. *Hyllarima Inscriptions. Texts and List*. «The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia», The Institute for Advanced Study, Princeton (1991). Packard Humanities Institute CD #7, 1996. <https://epigraphy.packhum.org/book/496?location=1682>

ILabraunda – Crampa J. *Labraunda. Swedish excavations. Vol. 3. The Greek Inscriptions. Part I: I–12. Period of Olympichus*. Lund: CWK Gleerup, 1969 (*Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae*, V, series in-4°).

IMylasa – Blümel W. *Die Inschriften von Mylasa*. Bonn: Rudolf Habelt, 1987–1988. Bd. I–II (*Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien*, Bd. 34–35).

L – McCabe, Donald F. *Labraunda Inscriptions. Texts and List*. «The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia», The Institute for Advanced Study, Princeton (1991). Packard Humanities Institute CD #7, 1996. <https://epigraphy.packhum.org/book/504?location=1682>

LSAM – Sokolowsky F. *Lois sacrées de l'Asie Mineure*. Paris: Boccard, 1955.

LW – Le Bas Ph., Waddington W.H. *Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure ... pendant 1834 et 1844*. Paris 1847–1877. Vol. III. Partie 5: *Inscriptions grecques et latines recueillies en Grèce et en Asie Mineure* (1870–1876). <https://archive.org/details/voyagearchologi00basgoog/page/n6/mode/2up>

M – McCabe, Donald F. *Mylasa Inscriptions. Texts and List*. «The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia», The Institute for Advanced Study, Princeton. Packard Humanities Institute CD #6, 1991. <https://epigraphy.packhum.org/book/512?location=1682>

O – McCabe, Donald F. *Olymos Inscriptions. Texts and List*. «The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia», The Institute for Advanced Study, Princeton. Packard Humanities Institute CD #6, 1991. <https://epigraphy.packhum.org/book/516?location=1682>

OGIS – Dittenberger W. *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*. 2 vols. Leipzig, 1903–1905.

S – McCabe, Donald F. *Sinuri Inscriptions. Texts and List*. «The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia», The Institute for Advanced Study, Princeton (1991). Packard Humanities Institute CD #7, 1996. <https://epigraphy.packhum.org/book/524?location=1682>

SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum.

Sinuri – Robert L. *Le sanctuaire de Sinuri près de Mylasa. Ière partie. Les inscriptions*. Paris: De Boccard, 1945 (*Mémoires de l'Institut français d'archéologie de Stamboul*. Vol. 7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Зельдина О.М. Города в царстве Селевкидов в свете новой теосской надписи. *Вестник древней истории*. 1978. № 2. С. 178–192 [Zel'dina O.M. Cities in the Seleucid Kingdom in the Light of a New Teian Inscription. *Journal of Ancient History*. 1978. No. 2. Pp. 178–192 (in Russian)].

Периханян А.Г. *Храмовые объединения Малой Азии и Армении IV в. до н. э. – III в. н.э.* М.: Изд-во восточной литературы, 1959 [Perikhanian A.G. *Temple associations in Asia Minor and Armenia 4th c. BC – 3rd c. AD*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1959 (in Russian)].

Свенцицкая И.С. Особенности гражданской общины на эллинистическом востоке. *Вестник древней истории*. 1999. № 3. С. 23–38 [Sventsitskaya Irina S. Some Characteristic Features in Civil Community of the Hellenistic Near East. *Journal of Ancient History*. 1999. No. 3. Pp. 23–38 (in Russian)].

Apostolou E. Les drachmes rhodiennes et pseudo-rhodiennes de la fin du IIIe siècle et du IIe siècle av. J.-C. *Revue numismatique, 6e série*. 1995. T. 150. Pp. 7–19.

Ashton R. The Use of the Cistophoric Weight-Standard Outside the Pergamene Kingdom. *Attalid Asia Minor. Attalid Asia Minor: Money, International Relations, and the State*. P. Thonemann (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 245–264. doi:10.1093/acprof:oso/9780199656110.003.0007

Ashton R., Reger G. The Pseudo-Rhodian Drachms of Mylasa Revisited. *Agoranomia: Studies in Money and Exchange Presented to John H. Kroll*. New York : The American Numismatic Society, 2006. Pp. 125–150. https://www.academia.edu/5559730/Ashton_Reger_The_Pseudo_Rhodian_Drachmas_of_Mylasa_Revisited

Aubriet D., Henry O. Le territoire de Mylasa et le serment d'Olympichos : autour d'une nouvelle inscription découverte au sanctuaire de Zeus Labraundos en Carie. *Comptes-rendus des séances de l'année – Académie des inscriptions et belles-lettres*. 159e année. 2015. N° 2. Pp. 673–702.

Blümel W. Neue Inschriften aus Karien II: Mylasa und Umgebung. *Epigraphica Anatolica*. 2004. Bd. 37. S. 1–42.

van Bremen R. On the dating of the land transaction documents from Olymos. *Epigraphica Anatolica*. 2018. Vol. 51. Pp. 19–35.

van Bremen R. Mylasa in 261BC. *Epigraphica Anatolica*. 2020. Vol. 53. Pp. 1–17.

Bresson A. La circulation monétaire rhodienne jusqu'en 166. *Dialogues d'histoire ancienne*. 1993. Vol. 19. n°1. Pp. 119–169.

Bresson A. Drachmes rhodiennes et imitations : une politique économique de Rhodes ?. *Revue des Études Anciennes*. 1996. T. 98 n°1–2. Pp. 65–77.

Bresson A., Debord P. Syngeneia. *Revue des Études Anciennes*. 1985. T. 87. n°1–2. Pp. 191–211.

Carless Unwin N., Henry O. A new Olympichos Inscription from Labraunda: I. Labraunda 137. *Epigraphica Anatolica*. 2016. Bd. 49. Pp. 27–45.

Chandezon Chr. Paysage et économie rurale en Asie Mineure à l'époque hellénistique. À partir de quelques baux de Mylasa (IIe–Ier siècle avant J.-C.). *Histoire & Sociétés Rurales*. 1998. n°9. 1er semestre. Pp. 33–56.

Cousin G. Mylasa et Olymos. *Bulletin de correspondance hellénique*. 1898. Vol. 22. Pp. 421–439.

Crampa J. *Labraunda. Swedish excavations*. Vol. 3. *The Greek Inscriptions*. Part I: I–12. *Period of Olympichus*. Lund: CWK Gleerup, 1969 (*Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae*, V, series in-4°).

Delrieux F. La crise financière des cités grecques d'Asie Mineure au Ier siècle a.C. et la lettre de Cicéron à Q. Minucius Thermus (Fam., XIII, 56). *Hellenistic Karia. Proceedings of the First International Conference on Hellenistic Karia – Oxford, 29 June – 2 July 2006*. Eds: R. van Bremen, J.-M. Carbon. Paris – Bordeaux: De Boccard, 2010. Pp. 505–526.

Delrieux F., Ferrière M.-Cl. Euthydème, Hybréas et Mylasa : une cité grecque de Carie dans les conflits romains de la fin du Ier siècle a.C. (première partie). *Revue des Études Anciennes*. 2004(1). T. 106. n°1. Pp. 49–71.

Delrieux F., Ferrière M.-Cl. Euthydème, Hybréas et Mylasa : une cité grecque de Carie dans les conflits romains de la fin du Ier siècle a.C. (Deuxième partie). *Revue des Études Anciennes*. 2004(2). T. 106. n°2. Pp. 499–515.

Descat R., Pernin I. Notes sur la chronologie et l'histoire des baux de Mylasa. *Studi Ellenistici*. Ed.: B. Virgilio. Vol. 20. Pisa, 2008. Pp. 285–314.

Étienne R. *Ténos et les Cyclades du milieu du VIe siècle avant J. C. au milieu du IIIe siècle après J. C.* Athènes – Paris: Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome ; De Boccard, 1990.

Flensted-Jensen P. *Karia. An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Eds: M.H. Hansen and Th.H. Nielsen. New York: Oxford University Press, 2004. Pp. 1108–1137.

Frigo T. Labienus. *Der Neue Pauly: Enzyklopädie der Antike*. 1999. Bd. 6. S. 1032.

Kaletsch H. Mylasa. *Der Neue Pauly : Enzyklopädie der Antike*. 2000(1). Bd. 8. S. 590–591.

Kaletsch H. Olymos. *Der Neue Pauly : Enzyklopädie der Antike*. 2000(2). Bd. 8. S. 1169.

Labarre G. Phrourarques et phrouroi des cités grecques d'Asie Mineure à l'époque hellénistique. *Les Cités grecques et la guerre en Asie mineure à l'époque hellénistique*. Sous la direction de J.-Chr. Couvenhes et H.-L. Fernoux. Tours: Presses universitaires François-Rabelais; Maison des sciences de l'homme "Villes et territoires", 2004 (Collection Perspectives historiques). Pp. 221–248. <https://books.openedition.org/pu-fr/1648?lang=en>

LaBuff J. *Polis Expansion and Elite Power in Hellenistic Karia*. Lanham: Lexington Books, 2015.

Laumonier A. Inscriptions de Carie. *Bulletin de correspondance hellénique*. 1934. Vol. 58. Pp. 291–380.

Ma J. *Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor*. New York: Oxford University Press, 1999.

Pernin I. *Les baux ruraux en Grèce ancienne : corpus épigraphique et étude*. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2014 (*Travaux de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée* n° 66).

Reger G. Mylasa and its territory. *Hellenistic Karia. Proceedings of the First International Conference on Hellenistic Karia – Oxford, 29 June – 2 July 2006*. Eds: R. van Bremen, J.-M. Carbon. Paris – Bordeaux: De Boccard, 2010. Pp. 43–57 <https://books.openedition.org/ausonius/2699>

Robert L. Note préliminaire sur des inscriptions de Carie. *Bulletin de correspondance hellénique*. 1934. Vol. 58. Pp. 512–517.

Robert L. Documents d'Asie Mineure. *Bulletin de correspondance hellénique*. 1978. Vol. 102-1. Pp. 395–543.

Ruge W. Mylasa. *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1933. Hbd. 31. S. 1046–1064.

Ruge W. Olymos. *Pauly-Wissowa-Kroll, Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1937. Bd. 17. S. 2510–2519.

Rumscheid Fr. Inschriften aus Milas im Museum Bodrum. *Epigraphica Anatolica*. 2004. Vol. 37. S. 43–61.

Sharples R. Dikaiarchos von Messene. *Der Neue Pauly : Enzyklopädie der Antike*. 1997. Bd. 3. S. 564–566.

Schuler Chr. Sympolitien im Lykien und Karien. *Hellenistic Karia. Proceedings of the First International Conference on Hellenistic Karia – Oxford, 29 June – 2 July 2006*. Eds: R. van Bremen, J.-M. Carbon. Paris – Bordeaux: De Boccard, 2010. S. 393–413. <https://books.openedition.org/ausonius/2816>

Williamson Chr. A Carian shrine in a Hellenizing world. The sanctuary of Sinuri, near Mylasa. Paz de Hoz M., Sanchez J.P., Molina C. (eds.). *Between Tarhuntas and Zeus Polieus. Cultural crossroads in temples and cults of Graeco-Roman Anatolia*. Leuven – Paris – Bristol: Peeters, 2016 (*Colloquia Antiqua* 17). Pp. 75–100.

Williamson Chr.G. *Urban Rituals in Sacred Landscapes in Hellenistic Asia Minor*. Leiden – Boston: Brill, 2021 (*Religions in the Graeco-Roman World*, Vol. 196). <https://brill.com/display/book/9789004461277/BP000013.xml>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАККАБЕЕВ Николай Александрович – к.и.н., н.с. Центра археологии донсламского Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Nikolai A. MAKKAVEEV, PhD (History), Research Fellow, Center for Archeology of Pre-Islamic East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.